

ТОНИ БРАНТО

ТОНИ БРАНТО

**ДОМ
С
СЕМЬЮ
ГОЛОВАМИ**

Москва
2023

УДК821.161.1-312.4
ББК 82(2Рос=Рус)6-44
Б87

Tony Branto
HOUSE WITH SEVEN HEADS
First published in Great Britain in 2022 by Clays
Дизайн обложки — *Jason Anscomb*

Бранто, Тони.
Б87 Дом с семью головами / Тони Бранто. — Москва : Эксмо, 2023. — 288 с. — (Детектив с трогательным финалом).

ISBN 978-5-04-176012-0

Военный инженер Джеффри Томпсон решил свести счеты с жизнью на живописном утесе в заброшенном уголке Шотландии. Но случается непредвиденное: в последний момент его буквально силой спасают обитатели единственного уцелевшего в безлюдной заснеженной округе дома. Очаг, горячий ужин и... очень странное общество: старый дезертир с пулей в голове, вечно меняющая образы отставная актриса, художница, рисующая кровавые картины. Джеффри не сразу понимает, что оказался в клинике для душевнобольных. Подозрителен и главный врач, испытывающий на пациентах свои не совсем обычные методики. Но настоящий ужас охватил Томпсона, когда в первую же ночь один из постояльцев выпал из окна. За первой странной смертью последовала вторая, потом третья... Озлобленная компания единомышленно решает — в этих преступлениях виноват новенький...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 82(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-176012-0

© Бранто Т., 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ГЛАВА 1

1

Под ногами Джеффри Томпсона — он стоял на самом краю утёса и рассматривал берег — змейкой вилась узкая полоска камней, припорошённая снегом. Тёмно-синяя вода набегала и пенилась, воздух был колюч, небо — по-зимнему низким и бурым.

На Томпсоне было коричневое коверкотовое пальто, выдавший виды хомбург и перчатки на руках, стиснутых в кулаки. Томпсон не мог унять дрожь.

Он взглянул на часы — было без четверти восемь, затем на ботинки. Ботинки промокли насквозь.

С полчаса уже тускло горело утро.

Небо нависало сплошным кроваво-мясистым облаком. Хирург нашёл бы его похожим на хлябь из раздавленных внутренних органов. Астроном бы вспомнил о глобулах, глядя на тут и там чернеющие на багровом фоне тучи. Еле пробившийся свет, гранитно-серый и давящий, падал на заснеженный пейзаж утёса Морган и холодное море.

Дом в грузинском стиле в три внушительных этажа стоял поодаль от обрыва ярдах в пятистах. Слишком уж далеко, чтобы кто-то находящийся в нём приметил человека над пропастью. Так считал Томпсон, и его эта мысль огор-

чала. Уже час там, на краю, он подавлял в себе желание напроситься к огню и горячему чаю.

«Паршиво, — думал мужчина, — начинается день».

Ещё — его разочаровал утёс Морган. Или больше — возмутил тем, что его не было видно. Хотя это не была вина самого утёса. Уж если искать виновного, то им точно был фотограф, так удачно запечатлевший скалу на снимке. Свой кадр он, конечно, делал из лодки на приличном от берега расстоянии. Фотографию потом купила и растиражировала на своих открытках Королевская почта.

А Джеффри Томпсон — в его кармане сейчас как раз лежала одна из таких открыток — стоял наверху, и выходило, что вся заветная красота оставалась у него под ногами.

И как он не подумал об этом раньше!

Продавай контора Кука пешие туры на утёс Морган, обманутые клиенты жаловались бы: «Вы нас на задворки мира отправили, а утёса-то и не видно! Нужно было по морю!» А ближайший спуск к воде в восьми милях...

Томпсон вздохнул, мёрзлый воздух обжёг его горло и нёбо. Когда он вновь глянул на часы, было почти девять.

А если никто так и не выйдет?..

2

Послышались шаги — скрип снега под ногами, словно кто-то услышал его мольбы. Какая-то фигура отделилась от дома и направилась в сторону обрыва.

Джеффри Томпсон облегчённо выдохнул.

Силуэт не давал возможности определить пол незнакомца. Чёрная шляпа и пальто свободного кроя скрывали человека с головы до ног.

Томпсон отвернулся к морю и сохранял вид глубокой задумчивости до самого момента, когда снег захрустел совсем близко и хрипловатый голос произнёс:

— Майкл!

Томпсон повернул голову. Перед ним стояла женщина лет пятидесяти, её породистое лицо с острыми чертами и на-румяненными щеками выражало внезапную растерянность. В руках она держала докторский чемоданчик из потрескав-шейся крокодильей кожи.

— Простите. Я решила, что вы — Майкл.

— Джеффри Томпсон.

— Откуда вы? С юга? У вас акцент.

— Из Корнуолла.

Женщина расстроено покачала головой.

— Раз вы не Майкл, я продолжу поиски. Опять он сбежал.

— Ваш муж?

— Брат. Ему нельзя на холод. Я тревожусь о его со-стоянии.

— С ним что-то не так?

— Можно и так сказать.

Женщина оставила взволнованный тон и строго за-явила:

— Я доктор Урсула Джейкобс.

Томпсон приподнял брови.

— Эту фамилию я слышал.

— Очень лестно.

Урсула взглянула на промокшую обувь Томпсона.

— Так вы сократите себе жизнь.

Джеффри Томпсон по-мальчишески открыто улыб-нулся:

— Мне ничего такого не грозит.

— Вы самоуверенны. Служили во флоте, должно быть.

— Не в этом дело, — Томпсон достал сигареты и начал вертеть пачку двумя пальцами. — Понимаете, я приехал сю-да, чтобы покончить с собой.

Урсула слегка наморщила лоб. Когда она заговорила, её голос звучал, как и прежде, деловито, но теперь с ноткой интереса:

— И почему же вы решили сделать это непременно под окнами моего дома? В Королевстве кончились скалы?

Джеффри Томпсон выронил пачку. Наклонившись за ней, он спросил:

— Вас волнует только это?

— Разумеется. Вы прыгнете, и что дальше? Прибудет полиция, начнётся выяснение обстоятельств. А знаете, сколько вреда такой шум нанесёт здоровью моих пациентов?

Томпсон не ответил. Его обескуражило такое равнодушие к его судьбе, да ещё со стороны врача.

— Это — моя лечебница, — Урсула кивнула в сторону дома. — На десятки миль ни души. Моим пациентам здесь хорошо. А тут являетесь вы и своим возмутительнейшим и крайне эгоистичным поступком собираетесь растревожить их покой.

— Я приношу свои извинения, — растерянно сказал Томпсон. — Всё дело в этой открытке.

Он спешно полез во внутренний карман в надежде оправдать своё недостойное джентльмена поведение.

— Видите — утёс Морган. Аж дух захватывает, правда?

Урсула взглянула на снимок голой скалы, напоминающей нос воспарившей над водой акулы.

— Это где?

Томпсон не поверил ушам.

— Прямо у вашего порога! Мы с вами сейчас стоим как раз вот здесь, — он ткнул в макушку скалы на снимке.

— Никогда бы не подумала, — Урсула перевела взгляд на сигареты.

— Утёса не видно, когда стоишь на нём. Вот в чём дело.

— Итак, вы решили прыгнуть?

Томпсон дал себе минуту, прежде чем ответил:

— Глупо выходит. Понимаете, моя жизнь, как бы лучше выразиться... не была яркой.

— Это легко понять, — согласилась Урсула. — Последние годы были несладкими.

— Моя причина не в войне. Началось это гораздо раньше. Впрочем, не важно. Я хотел выпить яд. Не поверите, пошёл за ним в аптеку — она у нас в почтовом здании находится, — а там, на стенде, она — эта открытка. Чем-то меня зацепила. Такая дикая красота...

— Вы надеялись купить яд без рецепта?

Томпсон моргнул, облизал губы.

— Я надеялся украсть яд... Вернее, ограбить. Хотел запугать аптекаря игрушечным револьвером...

Урсула кивнула и сухо сказала:

— Теперь понимаю.

— А глядя на открытку, решил: жизнь была серой. Что, если смерть будет яркой? Уж на это я могу повлиять. Мысль так очаровала меня, что я не смог себе отказать. Купил открытку, разузнал, где это место. Оказалось оно, правда, на другом конце острова. Но что я терял? Меня буквально захлестнули эмоции, я ждал эту поездку...

— Так и не закурите?

— Что, простите?

— Сигареты! Я говорю...

— Урсула!

Они обернулись в сторону дома.

— Урсула! — донеслись раскаты грубого голоса.

Джефффри Томпсон ничего не успел понять, кроме того, что лицо его собеседницы резко перестало быть официальным и строгим. На него глядела теперь другая, смертельно испуганная, женщина. Её глаза будто стремились вылезти из орбит.

— Дайте сигареты!

— Что?

— Сигареты! — Урсула бросилась вперед, едва не столкнув Томпсона с обрыва.

— Что вы делаете?!

— Отдайте!

— Вы спятели, док!

— Летите ко всем чертям! Оставьте сигареты!

Мужчина побежал. Урсула, отбросив чемоданчик, пустилась следом.

— Вы — ненормальная!

Догнав, она кинулась на Томпсона и потянула за собой в сугроб, вцепившись руками и ногами мёртвой хваткой.

Томпсону не было жалко сигарет, но даже на пороге смерти его не оставила привычка защищать свою честь. Он крепко сжал пачку в кулаке и прижал к груди. Сильный укус в шею заставил его вскричать от боли и на секунду лишил сил. В этот момент ей удалось его перевернуть. Томпсон нырнул лицом в обжигающий снег, Урсула налегла сверху. Но вдруг всё прекратилось так же внезапно, как началось.

4

Джеффри Томпсон почувствовал, как навалившееся на него тело обмякло. С тяжким стоном ему на плечо упала голова нападавшей, из-под свалившейся шляпы посыпались длинные желтоватые локоны.

Томпсон поспешил высвободиться. Он скинул с себя руки и ноги женщины, те скатились с него, как дрова. Укус на шее горел адским пламенем. Томпсон взял пригоршню снега и приложил к полыхавшему месту, стиснув зубы. Взглянул на тело, распластавшееся рядом — Урсула была явно в отключке.

И только после этого сообразил, что рядом кто-то есть.

Кто-то затмевал собой небо.

Томпсон поднял голову. Первое, что разглядел, было тёмное платье из грубого материала, обтягивающее обширное тело, похожее на бесформенную глыбу. Открытые щиколотки в шерстяных чулках, оказавшиеся у Томпсона прямо перед носом, напоминали прочные сваи, уверенно державшие крупную женщину.

Наконец, в руке её он заметил шприц. Уже пустой.

— Поможете донести её до дома?

Голос — низкий и до того объёмный, что будто выходил напрямиком из грудного резонатора, — не оставлял шансов на церемонии.

Томпсон встал и отряхнулся.

— Конечно.

Они подхватили Урсуну за руки и ноги.

— Но если что, я и сама справлюсь.

В том у Джеффри Томпсона не было никаких сомнений. Такая и его запросто утащила бы на своём массивном плече.

— Без проблем.

Ей было под пятьдесят. Заплывшее рыхлое лицо без косметики. Сухие губы, маленький круглый нос, тёмные с проседью короткие волосы, небрежно зачёсанные набок. Глаза, казалось, не двигались, веки не моргали. Томпсону показалось, что она и затылком могла видеть.

— Погодите.

Женщина опустила ношу на снег, подняла брошенный чемоданчик, отряхнула снег с откатившейся в сторону шляпы и нахлобучила её себе на голову. Затем развернулась к Томпсону спиной, взяла Урсуну за ноги и двинулась напролом через снег, как танк.

Томпсон — высокий, крепкий, хоть и худощавый мужчина, — поддерживая плечи Урсуну, с трудом поспевал, спотыкаясь о снег. Его мучил вопрос — почему они несли живого человека вперёд ногами.

Был ли это ещё живой человек? Что ей вкололи?

Томпсон не решился спросить.

Вместо этого сказал:

— Доктор набросилась на меня из-за сигарет...

— Доктор?

Томпсон хмыкнул.

— Доктор Майкл Джейкобс сейчас в процедурной.

— А это кто?

— Его сестра, — сказала женщина.

Погодя она спросила:

— А вы кто?

Джеффри Томпсон вкратце повторил свою историю.

— Ну, допустим. Как вы сюда попали?

— Пешком.

— Откуда?

— Со станции в Эйре.

— Пятнадцать миль шли пешком? — женщина прокашлялась. — Безумие. Каким поездом ехали?

— Тем, что из Глазго.

Женщина помолчала.

— В Эйре он останавливается без четверти два ночи.

— Верно, я шёл всю ночь. Без указателей было тяжело-
вато.

— Вы проголодались! — прозвучало, как приказ. — И как же вы не заблудились?

— Контролёр на станции объяснил дорогу, сказал, что надо идти через Соммердин, опустевшую деревню. Мне повезло, что он знал про утёс.

— Потому что сам, должно быть, из Соммердина. Всякий, кто жил там, знает про утёс.

Женщина опять прокашлялась.

— Пятнадцать миль ночью через пустоши? Ради скалы?

Вы хоть понимаете, какой опасности себя подвергли?

— Вообще, учитывая, мою конечную цель...

— Вы не поняли. Когда деревня вымерла, сюда пришли волки. Ночью на них напороться проще простого.

Томпсон побледнел.

— А быть загрызенным волками совсем не то, что в лепёшку расшибиться, не правда ли? — усмехнулась женщина.

— Контролёр ничего не сказал про волков.

— Меня зовут Барбара. Барбара Холлис.

— Джеффри Томпсон, — повторил своё имя мужчина. — А что вы ей вкололи?

— Хлорпромазин. Нейролептик. Всегда ношу с собой.

Барбара откашлялась.

— Бедняжка неделю пробыла на чердаке — доктор наказал её. Сегодня утром я меняла простыни, и ей удалось сбежать.

— Знаете, я и предположить не мог, что с ней что-то не в порядке. Она говорила, как человек в здравом уме.

— В том-то и суть. Выявить безумца только доктору под силу. Я имею в виду доктора Джейкобса.

— Это его лечебница? Контролёр о ней и словом не обмолвился, хотя такое соседство с утёсом...

— Второе Рождество тут справляем. Особняк выстроил крупный магнат, пациент мистера Джейкобса. Завещал дом доктору. В войну застрелился.

— Банкротство?

— Жить надоело, — бросила Барбара резко. — А что вас удивляет? У вас самого что на уме?

— Ну, у меня-то заводов нет.

— А будь у вас деньги, вы бы не прыгали?

Томпсон понял, что сглупил.

— Нет. Мои раны куда глубже, — сказал он.

— Мне тоже так кажется. Вы не похожи на меркантильного джентльмена.

— Вы считаете?

— На вас хорошие перчатки.

Они подходили к парадным дверям.

— За что доктор наказал сестру?

Барбара ответила, глянув через плечо:

— За плохое поведение. Сюда, — она толкнула дверь ногой, они вошли в тёплый и уютный холл.

— Что же она наделала?

— Положим здесь, — Барбара указала на кушетку у стены.

Она стянула с Урсулы пальто — под ним была лишь ночная сорочка — и, выпрямившись, громко прокашлялась.

— Вас никогда не наказывали в детстве, мистер Томпсон?

ГЛАВА 2

1

— Разумеется, — сказал Томпсон. — В детстве мне частенько перепало.

— Дальше я сама.

Барбара взяла Урсулу на руки.

— Обождите здесь. Снимите пальто и погрейтесь. Я скоро подойду.

Джеффри Томпсон оказался в просторной гостиной с растопленным камином. Его охватило приятное тепло, а вместе с ним и незримое присутствие бывшего владельца дома. Деревянные панели, картины, торшеры и настенные бра, роскошные часы на каминной полке. Много комнатных цветов. У стены на столике стояли бутылки с напитками. Обитель ничем не выдавала лечебницу.

Томпсон снял мокрые ботинки и присел на корточки у самого пламени.

Теперь он мог расслабиться. А ведь минутами раньше, оступись он, его тело могло лежать, распластавшись на камнях...

Рядом стояла рождественская ёлка в огнях и игрушках, заботливо украшенная, источавшая хвойный аромат. Два эркерных окна глядели на восток, на пугающее полотно снега, матовое, без конца и края.

Вновь занял укус на шее. Томпсон потрогал рану, на руке осталась спёкшаяся кровь.

В коридоре раздались уже знакомые тяжёлые шаги.

— Присядьте на диван.

Барбара держала бутылочку с раствором и набор для перевязки.

— Будет щипать.

Томпсон послушно стерпел процедуру. Щипало — это мягко сказано.

— Я объясню более понятно, — сказала Барбара, бинтуя шею Томпсона. — Урсула страдает диссоциативным расстройством идентичности. Вам известно, что это такое?

«Да уж, диссоциативное расстройство — проще не придумаешь», — хмыкнул про себя Томпсон, а вслух ответил:

— Вроде бы. Но, признаться, я никогда не встречал людей с подобным... поведением.

— И навряд ли встретите. Их стараются держать подальше от общества. У этих бедолаг много личностей, запертых внутри тела.

— Сколько же их у мисс Джейкобс?

— Мы ещё не всех посчитали. На Урсулу удивительным образом влияет одежда. Она находит какие-то тряпки, и в соответствии с ними происходит перевоплощение. Сегодня она взяла пальто, шляпу и чемоданчик доктора Джейкобса из его кабинета.

— Ах, вот оно что...

Барбара закончила с раной и поглядела на ноги Томпсона.

— Погрейтесь ещё у огня.

Она вышла и через четверть часа вернулась с парой тёмно-коричневой обуви.

— Примерьте.

Туфли оказались на размер велики.

— Следуйте за мной.

Они пересекли коридор и оказались в столовой.

— Садитесь.

На столе ждала тарелка горячей каши.

Томпсон как вкопанный застыл на месте.

— Садитесь, — повторила Барбара абсолютно тем же нетерпящим возражений тоном.

Джеффри Томпсон сел на указанный стул во главе большого овального стола. В камине за его спиной был разведён огонь.

— Доктор Джейкобс уже позавтракал. Вы сидите на его месте. У каждого пациента есть своё место за столом, но так как вы ещё мёрзнете...

— Погодите, — Томпсон уже мысленно подносил первую ложку ко рту. — Пациенты?

Барбара стояла сбоку. Отчего-то всё тело Томпсона в одно мгновение напрялось, словно запротестовало, но боялось пошевелиться.

— Я так и сказала.

— Извините, я, должно быть, злоупотребляю вашим гостеприимством...

— Сядьте, мистер Томпсон.

2

Томпсон сел обратно.

— Поешьте. Шляпа у вас никудышная, как и обувь. Вы запросто могли получить менингит. Ешьте, пока еда не остыла.

Томпсон принялся есть. Каша показалась ему отвратительной.

Барбара подошла вплотную и, к удивлению Томпсона, начала ощупывать ему голову.

— Что вы делаете?

— Продолжайте есть.

Томпсон послушно жевал, пока мощные жилистые руки странным образом орудовали над ним. В какой-то момент его голова под давлением прижалась к груди. Томпсон прикусил язык. Ещё какое-то время жёсткие пальцы с усердием прощупывали ему затылок.

— Нет. Менингита не будет, — сказала Барбара, отцепившись.

Показалось, что она разочарована открытием.

— Я хотел сказать, что не задержусь. Я уже согрелся.

— Это хорошая новость. Я доложу о вас мистеру Джейкобсу. Вы наверняка захотите его поблагодарить.

Из вежливости Томпсону пришлось кивнуть.

— Как мне следует представить вас?

Мужчина на секунду замешкался и сказал:

— Джеффри Томпсон.

— Я имела в виду род деятельности.

— А! Разумеется. Простите. Я... военный инженер.

После этих слов произошло, как считал Томпсон, поистине невероятное — Барбара улыбнулась.

— Хорошо, — сказала она, развернулась и исчезла.

Следующие несколько минут Джеффри Томпсон в одиночестве приканчивал кашу. Она оказалась совершенно несъедобной, но голод победил.

Когда тарелка была уже пуста, за дверью раздались шаги, на этот раз легче, даже каблучок постукивал игриво. Томпсон тут же представил себе портрет яснее ясного: молодая девушка, уверенная и жизнерадостная, хотя последнее ну никак не вязалось со спецификой этого дома.

Томпсон вытер рот салфеткой.

Дверь открылась, на пороге показалась девушка лет двадцати пяти в белом джемпере и серых твидовых брюках. Молодая, уверенная и жизнерадостная. На её простом круглом лице лучилась улыбка. В руках был поднос со стаканом.

Дурнушка, решил Томпсон.

— Вот вы какой, мистер Томпсон!

Мужчина привстал.

— Сидите, сидите!

По комнате разлетелся кислый запах.

— Выпейте, это отвар. Он поможет восстановить силы.

Томпсон ухмыльнулся.

— Вообще-то я не так уж и плох.

Девушка улыбнулась в ответ.

— Мужчинам непросто признавать, что им нелегко.

Томпсон отпил и скривился.

— Это настой из трав.

— Горчит, — как можно учтивее высказался Томпсон.

— Меня зовут Сара.

— Джеффри Томпсон.

— Допивайте, мистер Томпсон. И я провожу вас в вашу комнату.

Томпсон поперхнулся.

— В мою комнату?

— У вас есть багаж?

— Багаж?

Девушка зарумянилась.

— Какая же я глупая! Вы же приехали с утёса прыгать, а не фамильные драгоценности закапывать. Ничего, что-нибудь найдём. Кажется, туфли доктора вам подошли.

— Простите, — Томпсон отставил полупустой стакан. — Я несколько обескуражен. Я только лишь помог мисс Холлис донести до дома сестру доктора Джейкобса...

— Миссис Холлис — это моя мать.

— Прошу прощения.

— Мы в услужении у доктора. Мама, я и мой младший брат. Это весь персонал. Кроме самого доктора, разумеется.

— Дело в том, что вы мне предлагаете комнату, но у меня ведь совсем другие планы...

Сара присела на край стола и посмотрела в окно.

— Мистер Томпсон, вам принципиально кончать с собой именно сегодня? Или вы могли бы рассмотреть и другие даты?

Она спрашивала про планируемый день смерти, как спросила бы, в котором часу следующий поезд.

— Вы надо мной смеётесь?

— Конечно, нет. Но я не любительница сантиментов. Я всегда говорю в лоб. На мой взгляд, так правильно. Хотя доктор Джейкобс просит быть более осмотрительной с нашими пациентами.

— Вот опять! С чего вы решили, что я ваш пациент?

— Мистер Томпсон, вот вам реальное положение дел: вы сейчас здесь, с нами. В тепле и сытости. Платить за пребывание вам нет нужды. Утёс — всегда под боком. Надоест с нами жить — выходите и прыгаете. Договорились?

Джеффри Томпсон рассудительно промолчал. Да ведь там, у обрыва, он только и ждал, что его спасут...

— А вам-то что с того, что я останусь?

— Нам — хорошая компания.

Прозвучало трезво, недвусмысленно, словно знакомились молодые люди в баре.

Томпсон сейчас с удовольствием выпил бы.

Он взял стакан и залил в себя горькие остатки. Затем сказал:

— А чай у вас, обычный, подают? Или всегда отвар?

Сара улыбнулась, широко обнажив зубы и розовую полосу дёсен. Улыбка, с сожалением отметил Томпсон, только уродовала эту бодрую девушку.

— Должна же быть ложка дёгтя, мистер Томпсон. Иначе вы у нас пропишетесь, как старик Бульденеж. Я не скромничаю, у нас очень хорошо.

Что-то в груди Томпсона дёрнулось, словно внутри отчаянно забило крылышками потревоженное насекомое. Томпсон знал это ощущение — предчувствие неприятных событий.

3

Комната на третьем этаже была простая и удобная. Однospальная кровать, письменный стол, небольшой платяной шкаф. Над кроватью картина — цветочный ковёр.

Сара наблюдала за реакцией.

— Отнеситесь к этому, как к небольшому приключению, — сказала она, когда, наглядевшись на обстановку, Джеффри Томпсон повернулся к ней.

— Знаете, я только что понял: моя жизнь отныне делится на два этапа. Всё, что было до этого утра, и то, что ещё не наступило. Я имею в виду смерть. Я как будто застрял где-то в пустоте.

Сара позвала жестом к окну. Подойдя, Томпсон увидел место, где простоял всё утро.

— Как видите, утёс у вас никто не забирает. Можете смотреть каждый день и представлять, как вы прыгаете.

Она произнесла это уверенно, без издёвки и цинизма.

— Мы постараемся заполнить вашу пустоту, если будем делать это сообща.

Её живой непритворный голос действовал лучше любого лекарства, подумалось Томпсону.

Он сказал:

— У вас такое простое видение мира, мисс Холлис...

— Зовите меня Сарой.